

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИИ КАК НАУКИ

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В XX — НАЧАЛЕ XXI В.: ОТ ГУМАНИТАРИСТИКИ К СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Марина Федоровна Румянцева (m_roumiantseva@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Цитирование: Румянцева М.Ф. (2019) Развитие методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в XX — начале XXI в.: от гуманитаристики к социальным наукам. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 154–179.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.10>

Аннотация. Продолжена тема рецепции и развития эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения, начатая докладом на конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры. К 150-летию со дня рождения» (Санкт-Петербургский государственный университет, 4–5 октября 2013 г.). Предлагается и обосновывается исследовательская гипотеза: развитие концепции источниковедения, разработанной А.С. Лаппо-Данилевским в контексте методологии истории, шло по пути конституирования и трансформации дисциплинарного статуса источниковедения (составляющая методологии истории — дисциплина/субдисциплина исторической науки — научное направление — предметное поле исторического знания), что, в свою очередь, обусловило нарастание/усложнение междисциплинарных связей источниковедения и его движение от гуманитарных наук к социальным. Раскрывается значение исторического источника как интегрирующего основания гуманитарного и социального знания. В качестве базовых схем интерпретации применены смена типов рациональности/моделей науки и смена словарей исторической науки (по Ф.Р. Анкерсмит), а в качестве основы изменения дисциплинарного статуса — изменение в понимании объекта источниковедения. Обосновывается принадлежность анализируемой концепции источниковедения неоклассической модели исторической науки, развивавшейся на фоне неклассической и постнеклассической моделей как ответ на их вызовы. Начало расхождения неклассической и неоклассической моделей исторической науки усматривается в оппозиции баденского неокантианства и его русской версии неокантианства (А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский) по проблеме объекта исторического познания: отказ баденцев от его анализа и специальное внимание к объекту /

историческому источнику у русских неокантианцев. Последнее стало фактором конституирования источниковедения в самостоятельную научную дисциплину, что происходит в 1950-х годах в связи с разработкой его самостоятельного объекта — системы видов исторических источников. Намечены пути перерастания источниковедения в научное направление и предметное поле исторической науки по мере осмысления системы видов исторических источников как проекции культуры и концептуализации макрообъекта — эмпирической реальности исторического мира (О.М. Медушевская).

Ключевые слова: источниковедение, дисциплина исторической науки, научное направление, исторический источник, эмпирическая реальность исторического мира, социальные науки, А.С. Лаппо-Данилевский.

Преамбула. Гипотеза исследования

Статья продолжает начатую докладом на конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры. К 150-летию со дня рождения» (Санкт-Петербургский государственный университет, 4–5 октября 2013 г.) (Румянцева 2013) тему рецепции и развития эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения как генетически, так и концептуально непосредственно восходящей к теории исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского. Если в докладе 2013 г. упор был сделан на рецепцию, то настоящая работа посвящена дальнейшему развитию концепции, хотя, понимая рецепцию как «системное целостное восприятие концепции и ее трансформацию применительно к изменяющимся социокультурным и теоретико-познавательным ситуациям» (Румянцева 2013: 28), сознаю, сколь сложно (но и принципиально важно) разграничить рецепцию и дальнейшее развитие.

В статье предлагается и обосновывается исследовательская гипотеза: развитие концепции источниковедения, разработанной А.С. Лаппо-Данилевским в контексте методологии истории, шло по пути конституирования и трансформации дисциплинарного статуса источниковедения (составляющая методологии истории — дисциплина/субдисциплина исторической науки — научное направление — предметное поле исторического знания), что, в свою очередь, обусловило нарастание/усложнение междисциплинарных связей источниковедения и его движение от гуманитарных наук к социальным.

От рецепции к развитию: поиск водораздела

Попытаемся обозначить водораздел — переход от рецепции к развитию. Сделать это тем более сложно, что переход не одномоментен,

а процессуален: рецепция концепции исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского продолжается параллельно с началом процесса дальнейшего ее развития.

Сразу должна оговориться, что за границами рассмотрения остается концепция когнитивной истории О.М. Медушевской (1922–2007) (Медушевская 2008а). Эта концепция, на мой взгляд, явно недооцененная, требует особого исследования, хотя уже сейчас очевидно, что предложенное О.М. Медушевской понятие «эмпирическая реальность исторического мира» (Медушевская 2008б) маркирует начало радикально нового этапа в развитии теоретического наследия Лаппо-Данилевского, точнее будет служить основанием для нового этапа развития рассматриваемого направления в теории исторического познания при освоении этого понятия и в целом концепции когнитивной истории научным сообществом.

Остановлюсь на двух других реперных точках последнего пятилетия, каковыми стали подготовка нового учебного пособия «Источниковедение» (Румянцева 2015; 2019), изданного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», и работа над разделом по структуре современного исторического знания для терминологического словаря «Теория и методология исторической науки», изданного Институтом всеобщей истории РАН (Чубарьян 2014; Чубарьян, Репина 2016).

Работа над терминологическим словарем заставила нас¹ задуматься как над различием понятий *дисциплина/субдисциплина* исторической науки, *научное направление, предметное поле* исторического знания, так и над дисциплинарным статусом источниковедения и его трансформациями. В результате анализа структуры современного исторического знания мы предложили следующее различие: «дисциплина² историче-

¹ Здесь необходимо дать одно «стилистическое» разъяснение. Используя местоимение «мы» (и производные от него), я имею в виду во многом совпадающие группы авторов учебного пособия «Источниковедение» (И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская) и авторов, разработавших концепцию структуры современного исторического знания для терминологического словаря и написавших для него ряд ключевых статей (Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, Н.В. Некрасова, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко). Используя местоимение «я» (и производные от него), очерчиваю зону своей ответственности как ответственного редактора и автора нескольких разделов учебного пособия «Источниковедение» и координатора и редактора раздела терминологического словаря «Теория и методология исторической науки», автора ряда статей, в частности статьи «Источниковедение».

² Конечно, с точки зрения науковедения точнее говорить о субдисциплине, определяя как дисциплину историю в целом, но мы здесь следуем традиции, при-

ской науки — историографически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая *собственный объект исследования* (здесь и далее выделено мною. — М.Р.)» (Чубарьян, Репина 2016: 93); «научное направление — область научного исторического знания, предполагающая *особый ракурс рассмотрения исторической реальности...*» (Чубарьян, Репина 2016: 311). Предметное поле исторической науки мы определили следующим образом: «составляющая структуры современного научного исторического знания; п(редметные) п(оля) формируются в исторической науке при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки, начиная с антропологического и особенно — лингвистического поворотов. В п(редметном) п(оле) происходит *целенаправленное конструирование исторического объекта*, который, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного предмета исследования» (Чубарьян, Репина 2016: 390–391).

Достигнутое понимание было до некоторой степени реализовано в подготовленном Высшей школой экономики учебном пособии «Источниковедение». К сожалению, нам не удалось в полной мере представить актуальное состояние концепции в учебном пособии как минимум по двум причинам. Концептуальная причина лежит в плоскости источниковедения историографии, одного из актуальных направлений современного исторического познания, разрабатываемых научно-педагогической школой источниковедения: учебное пособие как вид историографического источника не может быть основано на радикально новом, еще не апробированном подходе. Техническая причина состоит в том, что у авторов при подготовке второго издания (Румянцева 2019), когда они уже были готовы позиционировать новый уровень развития концепции в учебном пособии, не было возможности (по независящим от них издательским причинам) внести содержательные корректировки в текст учебного пособия и, хотя оно и заявлено как «исправленное», стоит подчеркнуть, что, к сожалению, речь идет исключительно об исправлении замеченных неточностей и опечаток.

Однако при сравнении учебного пособия, изданного в 2015 г. Высшей школой экономики, и учебного пособия, подготовленного научно-педагогической школой источниковедения и изданного в 1998 г. Российским государственным гуманитарным университетом (переиздания 2000, 2004) «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (Данилевский [и др.] 1998), уже можно обнаружить трансфор-

нятой в историографии, именовать дисциплинами структурные составляющие научного исторического знания.

мацию подхода к дисциплинарному статусу источниковедения, что проявилось в первую очередь в структуре учебного пособия. В учебном пособии 1998 г. источниковедение представлено как научная дисциплина: в первой части (автор О.М. Медушевская) последовательно рассмотрены теория, история и метод источниковедения, вторая часть посвящена обзору источников российской истории, структурированному по видам исторических источников. Фактически это учебное пособие подводит своего рода черту под рецепцией источниковедческой концепции Лаппо-Данилевского. В учебном пособии 2015 г. предпринята попытка (справедливости ради надо признать, еще не очень отчетливая) разделить источниковедение как дисциплину исторической науки и источниковедение как метод исторического познания; источниковедение как инструмент историка вынесено в отдельный раздел. Главное, что здесь хотелось бы отметить: в первом разделе становление источниковедения рассмотрено в структуре методологии истории, а не как отдельной дисциплины исторической науки, а второй раздел дополнен частью о *компаративном источниковедении* как методе сравнительно-исторического исследования и *источниковедении историографии*, предполагающем применение метода источниковедения к анализу историографических источников.

Более отчетливо заявленный водораздел заметен и зафиксирован в исправлениях, внесенных в статью «Источниковедение» во втором издании терминологического словаря «Теория и методология исторической науки». В обоих изданиях источниковедение определяется «как гуманитарная дисциплина, объект которой — исторические источники, т.е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (эмпирическая реальность исторического мира, по О.М. Медушевской), а предмет — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей» (Чубарьян 2014: 200–201; Чубарьян, Репина 2016: 206). Но если в издании 2014 г. далее источниковедение рассматривается исключительно в его дисциплинарном статусе, то в издании 2016 г. проведено четкое разделение источниковедения как неотъемлемой части исторического метода, оформляющейся преимущественно в германской историографии (И.Г. Дройзен) и в качестве таковой отрефлексированного в пропедевтиках исторического метода рубежа XIX–XX вв. (Э. Фриман, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, Э. Бернгейм, а также А.С. Лаппо-Данилевский; напомним, что его «Методология истории» это пособие к лекционному курсу, прочитанному в Санкт-Петербургском университете в 1909/1910 и 1910/1911 уч. гг.) и источниковедения как дис-

циплины/субдисциплины исторической науки. Причем дисциплинарное оформление источниковедения отнесено к весьма позднему периоду, 1950-м годам, и акцентирован ряд связанных с этим моментов (чего не было в издании 2014 г.): «Дисциплинарное оформление и(сточниковедения) происходит на методологической основе русского неокантианства, отличающегося специальным вниманием к объекту исторического познания — историческому источнику, но уже в специфических условиях советской идеологизации социально-гуманитарного знания, — сначала в сфере преподавания в высшей школе (учебники М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина, 1940), а в 1950-х гг. и(сточниковедение) конституируется как дисциплина исторической науки в связи с разработкой его специфического объекта — системы видов исторических источников, целостно презентующих культуру» (Чубарьян, Репина 2016: 207).

В словарной статье 2016 г. также заявлено, что «в течение второй половины XX в. и(сточниковедение) обретает <...> характерные черты научного направления, поскольку задает оригинальный ракурс рассмотрения культуры в ее как коэксистенциальной, так и исторической составляющей — через призму порождаемых в этой культуре видов исторических источников» (Чубарьян, Репина 2016: 207–208). К этому стоит добавить, что перспективы в этом направлении создает освоение и развитие вышеупомянутой концепции когнитивной истории О.М. Медушевской и главное — понимание макрообъекта источниковедения как эмпирической реальности исторического мира. Именно этот подход, на мой взгляд, должен позволить и дальше позиционировать источниковедческую концепцию в рамках неоклассической модели науки, задавая общие стандарты строгой науки — как науки, имеющей реальный эмпирический объект, — истории и естественнонаучного знания.

Концептуально важно, что в терминологический словарь были включены отдельные статьи «Компаративное источниковедение» (Чубарьян 2014: 222; Чубарьян, Репина 2016: 226) и «Источниковедение историографии» (Чубарьян 2014: 203–204; Чубарьян, Репина 2016: 209), что позволило не только окончательно закрепить эти понятия в терминологии исторической науки, но и позиционировать их осмысление в связи с рассматриваемой концепцией источниковедения.

Дальнейшее осмысление позиционированного в терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» понимания процесса оформления источниковедения в дисциплину/субдисциплину исторической науки и последующей трансформации в научное направление осуществлялось с позиций *компаративной историографии*, что позволяет соотнести происходивший в советской исторической науке процесс

развития феноменологической концепции источниковедения, восходящей к теории исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского, с основными тенденциями западной исторической науки.

Итак, развитие концепции источниковедения научно-педагогической школой источниковедения в 2010-е годы было связано с осмыслением *дисциплинарного статуса источниковедения*, спровоцированным работой над новым изданием учебного пособия «Источниковедение» и словарем «Теория и методология исторической науки».

Интерпретационные схемы осмысления дисциплинарного статуса источниковедения

При осмыслении дисциплинарного статуса источниковедения существенную новизну составляло применение двух новых для этой концепции схем интерпретации. Первая — смена типов рациональности / моделей науки: классическая — неклассическая — постнеклассическая. Особое внимание было уделено неоклассической модели науки, в рамках которой, по нашему мнению, и развивается анализируемая концепция источниковедения. Рассмотрение источниковедения в рамках неоклассической модели науки заставило меня вступить в полемику с рядом авторов, включая А.В. Лубского — автора фундаментального исследования о моделях исторической науки, который утверждает: «...в конце XX века стала формироваться неоклассическая модель исторического исследования, которая стала достоянием культуры “неоглобализма”» (Лубский 2005: 256, 258). Позже автор возвращается к этому утверждению: «Неоклассическая модель научного исследования стала формироваться в конце XX в. в контексте культуры “неоглобализма”» (Лубский 2009: 147).

Мое понимание генезиса неоклассической модели отличается от предложенного А.В. Лубским. На мой взгляд, становление неоклассической модели начинается одновременно с переходом от классической к неклассической модели в целях поиска оснований строгой науки. Реперная точка здесь — статья Э. Гуссерля «Философия как строгая наука», опубликованная в качестве программной в международном ежегоднике по философии культуры «Логос» (Гуссерль 1911), где Э. Гуссерль обозначил дилемму, ключевую, на мой взгляд, для расхождения неклассической и неоклассической моделей науки. Констатируя, что до сего момента философия так и не стала наукой, поскольку в ней «каждая позиция в определенном вопросе есть дело индивидуального убеждения, <...> “точки зрения”», и что намечается «переворот в философии», Э. Гуссерль ставит вопрос: «Что должен значить новый “переворот”? <...> И что должна для нас значить “система”, которой мы жаждем <...>? Быть может,

философскую “систему” в традиционном смысле, т.е. как бы Минерву, которая законченная и вооруженная выходит из головы творческого гения, чтобы потом в позднейшие времена сохраняться в тихих музеях истории рядом с другими такими же Минервами? Или философскую систему <...>, которая после мощной подготовительной работы целых поколений начинает действительно с несомненного фундамента и, как всякая хорошая постройка, растет в высоту, в то время как камень за камнем присоединяется прочно один к другому, согласно руководящим идеям? На этом вопросе должны разделить умы и пути» (Гуссерль 1911: 3–4).

Могу согласиться с А.В. Лубским только отчасти: на рубеже XX–XXI вв. в связи с поисками выхода из ситуации постмодерна актуализируется интерес к неоклассической модели науки в социальном и гуманитарном познании.

Вторая, дополнительная, схема интерпретации — предложенная Ф.Р. Анкерсмитом модель смены языков исторической науки: словарь описания и объяснения — словарь интерпретации — словарь репрезентации (Анкерсмит 2003). Эта схема позволяет конкретизировать подход с точки зрения смены типов рациональности/моделей науки, сделать его более тонким и приспособленным к нуждам именно исторического познания.

В основе трансформации разрабатываемой нами концепции источниковедения в контексте смены типов рациональности/моделей науки и словарей исторической науки лежит переосмысление объекта источниковедения: исторический источник — система видов исторических источников — эмпирическая реальность исторического мира.

Общая схема может быть представлена в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Трансформация дисциплинарного статуса источниковедения

Объект источниковедения	Дисциплинарный статус	Модель науки	Словарь (по Анкерсмиту)
Исторический источник	Составляющая методологии истории	Классическая	Описания и объяснения
Система видов исторических источников	Дисциплина/ субдисциплина исторической науки / Научное направление	Неклассическая	Интерпретации
Эмпирическая реальность исторического мира	Научное направление / Предметное поле исторического знания	Постнеклассическая	Репрезентации

Принципиально важно подчеркнуть, что заявленный в таблице контекст развития концепции работает преимущественно по *принципу оппозиции*, а не инклюзии, т.е. развиваемая нами концепция источниковедения как принадлежащая неоклассической модели науки дает свои ответы на вызовы как неклассической, так и постнеклассической моделей. И отметим, что размышления о соотносительности анализируемой концепции источниковедения с постнеклассической моделью науки носят сугубо предварительный гипотетический характер.

Источниковедение как составляющая методологии истории

Историкам, обращающимся к истории источниковедения, свойственно удреплять эту дисциплину, возводя ее к И.Г. Дройзену (1808–1884) в лучшем случае, а то и к «О подложности Константинова дара» (1440) Лоренцо Валла. И хотя это абсолютно нормально как с точки зрения общего механизма функционирования социальной памяти (в самых разных ее вариантах), так и с точки зрения выстраивания истории науки (этот механизм вскрыл, например, Томас Кун, объясняя природу иллюзии кумулятивного развития науки), но не отменяет необходимости поиска более строгих оснований конституирования дисциплинарного статуса.

Для дальнейшего анализа мне важно подчеркнуть, что как для самого А.С. Лаппо-Данилевского, так и особенно для развития его концепции принципиальное значение имеет восприятие исторического источника как феномена породившей его исторической действительности, т.е. в связи с обстоятельствами его возникновения, личностью автора и характеристикой породившей исторический источник культуры.

И.Г. Дройзен в своей «Историке» действительно системно ввел анализ исторических материалов в структуру исторического метода, но при этом И.Г. Дройзен предлагает закрепить название «источники» за всем тем, что «позволяет нам взглянуть глазами ушедших поколений на их прошлое, т.е. мемуары и письменные свидетельства, отражающие их представление о нем», назвав две другие группы исторических материалов «остатками» и «памятниками» (Дройзен 2004: 84). Но для меня принципиально важно подчеркнуть, что И.Г. Дройзен, с одной стороны, рассматривал историю как науку эмпирическую, основанную на исторических материалах («материал для ее исследования должен иметься налицо и в таком виде, чтобы им можно было воспользоваться эмпирическим путем»), с другой стороны, относился к историческим источникам утилитарно, признавая, что те исторические материалы, которые он в своей системе называет источниками, также являются «остатками» исторической действительности, но пренебрегая этим их свойством: «Тот факт, что источники являются

одновременно остатками того настоящего, в котором они возникли, для нас пока второстепенен» (Дройзен 2004: 84).

Аналогичное рассуждение мы находим у Э. Бернгейма: «Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется “источниками”. Материал этот в огромном большинстве случаев не является <...> в то же время и непосредственным предметом познания, так как предметом истории являются ведь человеческие деяния» (Бернгейм 2011: 34). Как видим, Э. Бернгейм также считает исторический источник не самостоятельным объектом исторического познания, а лишь «материалом» для истории.

Подобным образом определяют значение исторических источников Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос (Ланглуа, Сеньобос 1899), авторы знаменитого «Введения в изучение истории», ссылки на которое при описании исторического метода можно обнаружить и спустя сто лет после выхода их книги.

Очевидно, что такой «утилитарный» подход к историческому источнику обусловлен *классической моделью науки*, где непосредственным объектом исследования является *историческая реальность*, которую надо в первую очередь *описать*, «извлекая» из исторических источников путем их т.н. «критики» «подлинные» исторические факты, выступающие как инвариантные «кирпичики» исторической действительности, а только потом предложить как можно более правдоподобный вариант их *объяснения*. Хотя Ф.Р. Анкерсмит и не апеллирует к моделям науки, но он дает такую характеристику *словаря описания и объяснения*: «Прошлое понималось как множество феноменов, лежащих перед историком, ожидая, чтобы его описали и объяснили». И отмечает: «Предпочтение этого словаря автоматически породило немало вопросов, главным образом, эпистемологических, касающихся истинности дескриптивных и объяснительных утверждений, сделанных историком о прошлом» (Анкерсмит 2003: 216–217).

На первый взгляд, эту позицию разделял и А.С. Лаппо-Данилевский, начиная выведение («добывание», по его собственной терминологии) понятия *исторический источник* с такого утверждения: «В научно-эмпирическом смысле <...> естественно <...> называть источником всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте» (Лаппо-Данилевский 2010б: 29). Но при этом он уделяет существенное внимание природе исторического источника, рассматриваемого в связи с породившей его культурой, выдвигает на первый план его интерпретацию, а не критику, о чем речь пойдет несколько ниже.

Понимание А.С. Лаппо-Данилевским объекта источниковедения — исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики» и прочное увязывание его имманентных характеристик с личностью автора и обстоятельствами создания обусловило роль источниковедения как *интегрирующего начала гуманитарного и социального знания*, поскольку произведение человека, определяемое в исторической науке как исторический источник, является *объектом исследования всех гуманитарных и социальных наук* при различении их предмета и метода¹. При этом в концепции А.С. Лаппо-Данилевского мы наблюдаем зависимость источниковедения от психологии (в варианте «психофизиологического закона» А.И. Введенского и «описательной психологии» В. Дильтея — подробнее см.: Румянцева 2018), что определяет его по преимуществу гуманитарный характер.

Но является ли / может ли являться исторический источник самостоятельным/самодостаточным объектом исторического исследования? Соответственно можно ли говорить о дисциплинарном статусе источниковедения, определяя в качестве его объекта исторический источник? На мой взгляд, вопрос не имеет однозначного ответа. С одной стороны, как уже было отмечено выше, А.С. Лаппо-Данилевский рассматривает исторический источник как феномен породившей его культуры (хотя уделяет внимание преимущественно характеристике индивидуума — автора исторического источника, а не культуры как таковой), но при этом инкорпорирует методологию источниковедения в структуру методологии истории, наряду с методологией исторического построения. И здесь нельзя не заметить, что на предложенной А.С. Лаппо-Данилевским концептуальной основе выстроить методологию исторического построения, по крайней мере с той же степенью доказательности как методологию источниковедения, историку не удалось, о чем свидетельствует невключение этого раздела в хорошо известное научному сообществу издание «Методологии истории» 1910–1913 гг.² С другой стороны, введение —

¹ Любопытный пример обращения правоведов к рассматриваемой концепции источниковедения см.: (Кодан 2019). Автор апеллирует к: (Данилевский и др. 1998; Румянцева 2015).

² По этой причине в статье рассматривается именно развитие методологии источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в XX — начале XXI в. Эта составляющая методологии истории оказалась наиболее жизнеспособной и обладающей потенциалом к развитию. Вплоть до того, что можно говорить о сложившейся в историографии практике отождествлять методологию истории А.С. Лаппо-Данилевского исключительно с методологией источниковедения, полностью игнорируя методологию исторического построения (складывается впечатление, что многие историки про

при развитии концепции — в структуру источниковедческого исследования, наряду с источниковедческим анализом, источниковедческого синтеза, понимаемого как «завершающая процедура самостоятельного источниковедческого исследования, цель которого конструирование исторического источника как феномена культуры» (Чубарьян, Репина 2016: 211), позволяет говорить об источниковедческом исследовании как самодостаточном, имеющем собственное целеполагание. Но при этом нельзя не учитывать, что рассмотрение исторического источника как феномена культуры — на современном уровне развития концепции — невозможно без его видовой характеристики, которая может быть определена только в видовой структуре корпуса исторических источников.

Интерес к историческому источнику как к историко-культурному феномену формируется в рамках неоклассической модели науки в противостоянии с неклассической моделью.

Неклассическая модель науки утверждается на рубеже XIX–XX вв. и характеризуется, преимущественно, признанием воздействия исследователя на результат исследования. В исторической науке новую ситуацию маркирует в первую очередь интерес к истории истории — смещение акцента в историографии с того, *что* предшествующими историками еще не изучено или изучено неполно/«неправильно», на то, *как* они изучали историю, *каким образом* их способ изучения истории и позиционирования полученного результата зависели от социокультурной среды и типа исторической культуры.

Рефлексия по поводу классической модели в исторической науке тесно связана с так называемым кризисом позитивизма¹. «Бои за историю» (вспомним название известного сборника статей одного из основополож-

эту составляющую концепции Лаппо-Данилевского просто не знают, именно из-за того, что она не вошла в известное издание «Методологии истории» 1910–1913 гг. и выполненное на его основе переиздание: Территория будущего, 2006). отождествление методологии истории Лаппо-Данилевского с методологией источниковедения возможно и оправдано, но ведет к некорректному, на мой взгляд, утверждению дисциплинарного статуса источниковедения уже в концепции Лаппо-Данилевского. При подготовке переиздания «Методологии истории» в 2010 г. составители впервые включили раздел «Методология исторического построения» в публикацию, воспроизведя его по литографированному изданию 1909 г. (Лаппо-Данилевский 2010б: 395–542).

¹ Оставляю за рамками рассмотрения вопрос о принадлежности позитивизма к классической/неклассической модели науки, хотя есть что сказать по этому поводу с учетом того, что авторы науковедческих работ часто «успешно» обходят этот вопрос. Отмечу только, что в исторической науке позитивизм ассоциирован исключительно с классической моделью науки.

ников школы «Анналов» Люсьена Февра (1878–1956)) велись с «ползучим эмпиризмом» за признание творческой роли историка-исследователя. Эти «бои» начала еще баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд, 1848–1915, и Г. Риккерт, 1863–1936), Но в ходе этих «боев» историческая наука понесла существенную утрату — потеряла объект исторического познания. Характеризуя природу познавательной деятельности, Г. Риккерт особо подчеркивает активную функцию познающего субъекта: «знание индивидуальности какого-нибудь объекта <...> отнюдь не является отражением его в смысле познания всего многообразия его содержания; наоборот, здесь <...> имеют место известного рода выбор и преобразование первоначального материала; из всей необозримой массы элементов выбирается определенный комплекс их» И далее отмечает: «Мы должны <...> различать два вида индивидуальности: индивидуальность, присущую любой вещи и любому процессу, содержание которой совпадает с ее действительностью и познание которой столь же недостижимо, сколь и не нужно, и индивидуальность, *полную для нас значения* (выделено автором. — М.Р.)» (Риккерт 1998: 141).

Признав бесперспективность определения объекта исторического познания (отчасти с ним нельзя не согласиться: поскольку в этот период, в поисках специфики исторической науки, ряд авторов называем в первую очередь В. Дильтей разрабатывали понятие *науки о духе*, придется принять аргумент Г. Риккерта о трудноопределимости *духа* как объекта познания), немецкий философ сосредоточился на его логике, охарактеризовав ее как идиографическую в противоположность номотетической логике наук о природе.

Русский же вариант неокантианства (подробнее см.: Румянцева 2013) в лице его основоположника философа А.И. Введенского (1856–1925) и его последователя А.С. Лаппо-Данилевского (а также В.М. Хвостова и И.И. Лапшина) сосредоточился на рефлексии именно объекта — произведения человека, рассматриваемого с точки зрения принципа признания чужой одушевленности (Введенский 1892).

Ввиду интереса к эмпирическому объекту исторического познания концепция источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского может рассматриваться как точка расхождения неклассической и неоклассической моделей исторической науки и одновременно — исток трансформации дисциплинарного статуса источниковедения от составляющей методологии истории к самостоятельной дисциплине/субдисциплине исторической науки.

Своего рода маркером движения концепции А.С. Лаппо-Данилевского к неоклассической модели науки является его понимание *интерпретации исторического источника* в сопоставлении с герменевтическими практи-

ками в историческом познании. Герменевтический подход в историческом познании¹, понимаемый как «практика, часто методологически неотрефлексированная, истолкования смысла исторического источника с позиции читателя-историка» (Чубарьян, Репина 2016: 79), — один из методологических трендов XX в. — прочно связан с неклассической моделью науки. Герменевтический подход в историческом познании предполагает диалогичность в отношениях субъекта-историка — субъекта истории / объекта исторического познания. Реализация герменевтического подхода к историческому источнику ведет к присвоению историком смысла исторического источника и расширению своего самопонимания через постоянную включенность в герменевтический круг. Принадлежность герменевтического подхода к неклассической модели науки, на мой взгляд, настолько очевидна, что не требует комментария. Но по-прежнему до конца не проясненным остается вопрос о соотношении/совместимости герменевтического подхода и интерпретации исторического источника в рассматриваемой концепции источниковедения. В рамках рассматриваемой концепции интерпретация исторического источника понимается как «исследовательская процедура исторического познания, смысл которой в достижении понимания исторической/источниковой реальности на основании системы методологически выверенных исследовательских процедур» (Чубарьян, Репина 2016: 133).

Истоки принципиально нового подхода к интерпретации исторического источника обнаруживаются в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, который определял: «интерпретация состоит в общезначимом (подчеркнуто мною. — М.Р.) научном понимании исторического источника» (Лаппо-Данилевский 2010б: 65).

Парадигмально различные подходы к историческому познанию, соотносимые с классической и неклассической моделями науки, делали объектом интерпретации либо исторический факт, устанавливаемый путем так называемой критики исторических источников, либо исторический источник как объективированный результат творческой активности индивидуума / продукт культуры, на понимание которого и нацелена историческая интерпретация. И.Г. Дройзен относит интерпретацию к сфере исторического построения, а не изучения исторических источников и определяет ее так: «Сущность интерпретации — увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации в действительности» (Дройзен 2004: 475). Э. Бернгейм, в отличие от И.Г. Дройзена, рассматривает интерпретацию уже

¹ Здесь я не затрагиваю философскую герменевтику.

в связи с пониманием исторического источника: «Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. Их способ выражения и содержания у различных людей разных времен бесконечно разнообразны, но лежащие в основе физические процессы всегда одни и те же. Стоит только это признать и отсюда возникает вторая великая задача исследования — интерпретация (истолкование)» (Бернгейм 2011: 34). Э. Бернгейм видит в процедуре интерпретации залог понимания исторического источника в контексте породившей его культуры: «Интерпретация, т.е. истолкование показаний источников в смысле более тесной или широкой связи, в которой они стоят, стала <...> только недавно предметом сознательной методологической разработки и нашла применение ко всем областям, а не исключительно литературным произведениям, как в прежнее время. В разъяснении нуждаются и памятники, так как они сами по себе, по большей части, безгласны и <...> о них можно судить только на основании обстоятельств и обстановки, откуда они ведут начало и для которых служат свидетельством» (Бернгейм 2011: 59).

Тем не менее, приступая к разработке процедуры интерпретации в системе методологии истории, Лаппо-Данилевский отмечает (ссылаясь на классические труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса): «Общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при истолковании данного рода источников. <...> учение об исторической интерпретации должно не получать достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения (подчеркнуто мною. — М.Р.)» (Лаппо-Данилевский 2010б: 62–63).

Следует особо подчеркнуть, что в концепции Лаппо-Данилевского, в отличие от других пропедевтик рубежа XIX–XX вв., интерпретация предшествует критике, т.е. понимание исторического источника как феномена породившей его культуры является для него обязательным условием оценки и использования его информации.

Интерпретации исторического источника Лаппо-Данилевский уделил наибольшее внимание в своей «Методологии истории», автор выделил четыре метода интерпретации: психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий, из которых наибольший потенциал для дальнейшего развития содержит типизирующая интерпретация, пред-

полагающая рассмотрение исторического источника как продукта породившей его культуры в ее как эволюционной, так и коэволюционной составляющей.

Итак, герменевтический подход и источниковедческая интерпретация оппонируют друг другу, по крайней мере с точки зрения рассматриваемой концепции источниковедения. Более того, в различии герменевтического подхода и интерпретации исторического источника наиболее явно проявляется отличие неоклассической источниковедческой модели от неклассической. И это различие становится все более значимым по мере конституирования дисциплинарного статуса источниковедения: понимание системы видов исторических источников как объекта источниковедения создает новые возможности для научно значимого понимания исторического источника в парадигме строгой науки, поскольку видовая характеристика исторического источника предполагает целостное системное осмысление культурных механизмов, остающихся вне поле зрения автора исторического источника, что позволяет понять автора лучше, чем он сам себя понимал, достичь строго научного понимания исторического источника.

Источниковедение как дисциплина/субдисциплина исторической науки

Конституирование дисциплинарного статуса источниковедения, на мой взгляд, сопоставимо со становлением новой исторической науки (новой научной истории / школы «Анналов»). Смысл и рассматриваемой концепции источниковедения, и новой научной истории, в противостоянии презентизму, в качестве советского варианта которого, вероятно, можно рассматривать школу М.Н. Покровского. Как хорошо известно, институциональное оформление школы «Анналов» связано с началом издания журнала в 1929 г., а концепция источниковедения, восходящая к теории исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского, получила свою институциональную базу в связи с основанием в 1930 г. Института архивоведения, переименованного в 1932 г. в Историко-архивный институт (не могу не заметить в скобках, что по иронии судьбы он получил имя М.Н. Покровского) (см.: Муравьев 2001).

В 1950-е годы окончательное оформление дисциплинарного статуса источниковедения, связанное с разработкой его самостоятельного *объекта* — *системы видов исторических источников* и соответственно *структурным подходом к корпусу исторических источников*, системно презентизирующему разные исторические эпохи и культуры [см.: Муравьев 2001: 143–156]. Этот процесс в советской историографии идет параллельно

с новым этапом в социальной истории — становлением структурной истории в Германии (В. Конце) и вторым поколением школы «Анналов», олицетворением которой является структурная по своей сути концепция Ф. Броделя.

В. Конце считал, что структурная история должна выполнить задачу исторического синтеза, учитывая, в первую очередь, «не *res gestae*, а структуры в их непрерывности и трансформации» (Кокка 1993: 176). Ф. Броделю принадлежит программная статья «вторых “Анналов”» «История и общественные науки» (1958) (Бродель 1977), смысл и пафос которой состоит в констатации социального характера исторической науки и определения ее места в кругу социального знания. Ф. Бродель пишет: «Науки о человеке переживают сегодня общий кризис. Поставленные перед необходимостью аккумуляции новых знаний и взаимного сотрудничества <...> все они испытывают трудности, вытекающие из их же собственного прогресса. Успехи наиболее динамичных из них оказывают прямое или косвенное влияние на все остальные, независимо от того, высказывают они в этом потребность или нет. И тем не менее все они еще скованы рамками устаревшей концепции гуманитарного знания, которая стала для них сегодня прокрустовым ложем» (Бродель 1977: 115).

Источниковедение, обретя свой автономный объект — систему видов исторических источников и дисциплинарный статус, также выбирается из «прокрустова ложа гуманитарного знания» и движется в сторону социальных наук: с одной стороны, структурированный по видам корпус исторических источников позволяет системно репрезентировать породивший этот корпус социум (и вообще, социальное образование любого уровня и любой степени сложности), а с другой стороны, как уже отмечалось выше, создает принципиально новые условия для интерпретации исторического источника — понимания его автора уже не как индивидуума, а как актора исторического действия (что, — заметим в скобках, — в значительной мере элиминирует *принцип признания чужой одушевленности*, лежащий в основе концепции А.С. Лаппо-Данилевского; подробнее см.: Румянцева 2017). В качестве определенного преимущества источниковедения как варианта структурного подхода в историческом познании можно рассматривать то, что анализ систем видов исторических источников дает твердое эмпирическое основание для определения моментов перехода в трансформации структур: система видов исторических источников меняется весьма заметным образом.

Источниковедение как направление и как предметное поле исторической науки: постановка проблемы

На мой взгляд, не будет некорректным перекинуть «мостик» от признания роли историка в создании образа/«картины» прошлого в неклассической модели науки к «социальному конструированию реальности» — в постнеклассической, для которой, в числе прочего, характерен кризис доверия к историческому метарассказу (Ж.-Ф. Лиотар) и «разоблачение» нарративной логики историописания (Х. Уайт, Ф.Р. Анкерсмит).

Разработанная О.М. Медушевой концепция когнитивной истории призвана противостоять нарративной логике историописания, отстаивая позиции истории как строгой науки, имеющей свое эмпирическое основание (Медушевская 2008а: 15–16 и след.), но фактически автор, на мой взгляд, вскрывает механизмы *социального конструирования реальности*¹ на эмпирической основе исторического источника, понимаемого не только как результат творческой деятельности человека, но и как продукт культуры, хотя и не ставит перед собой такой задачи.

Понимание объекта источниковедения — системы видов исторических источников как структурной *репрезентации* культуры позволяет соотнести рассматриваемую концепцию источниковедения со *словарем репрезентации* Ф.Р. Анкерсмита. На мой взгляд, именно здесь в еще большей мере обнаруживается специфика неоклассической модели науки (что и провоцирует, вероятно, точку зрения, согласно которой неоклассическая модель возникает именно в этот период). Отказываясь от разработанного им понятия *нарративная субстанция*, Ф.Р. Анкерсмит предлагает понятие *репрезентации*, которая призвана найти выход из «тупика» исторического нарратива, нащупав проход между двумя логическими моделями — Сциллой «нарративной субстанции» и Харибдой «концепта реальности» (Анкерсмит 2003: 213–258). Проблему исторического познания Ф.Р. Анкерсмит видит в том, что «объект историописания менее других обладает своей собственной сущностью и возникает только благодаря исторической репрезентации» (Анкерсмит 2003: 248).

Но источниковедение как научная дисциплина имеет такой объект, причем объект, системно репрезентирующий разные культуры, если говорить о системе видов исторических источников, и глобальный, если говорить об эмпирической реальности исторического мира. Таким обра-

¹ На всякий случай напомним: понятие содержится в названии знаковой для постнеклассической модели социальных наук работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания» (The Social Construction of Reality, 1966).

зом, понимание объекта источниковедения как системы видов исторических источников, репрезентирующей культуру, открывает перспективу источниковедению как *научному направлению*, т.е. особому ракурсу рассмотрения/репрезентации исторической реальности.

Продолжая линию компаративной историографии, замечу, что перерастание источниковедения из дисциплины в направление, по моему мнению, вполне соответствует тенденциям в германской социальной истории, о чем свидетельствует дискуссия о ее объекте и предмете. Участники этой дискуссии (см., например: Зелдин 1993; Зидер 1993; Кокка 1993) констатировали расширение (вплоть до утраты определенности) предмета социальной истории и ее «экспансию» в другие области исторического знания. Теодор Зелдин пишет: «Социальная история — самый амбициозный вид истории. Амбиции <...> обычно мешают отчетливо видеть цели, и поэтому социальная история — это область истории, которая сталкивается с наибольшими трудностями в определении своего предмета» (Зелдин 1993: 154). Другой участник дискуссии Рейнхард Зидер, цитируя Ханса Розенберга, отмечает: «Так называемая социальная история стала для многих расплывчатым собирательным понятием всего, что в исторической науке считается нужным и прогрессивным» (Зидер 1993: 163). И продолжает: «...сохраняющаяся нечеткость определения социальной истории имеет, по меньшей мере, то преимущество, что способствует распространению “социально-исторических взглядов” на такие дисциплины, которые относились, а частично и сегодня относятся к социальной истории, скорее всего, враждебно» (Зидер 1993: 163). Излишне говорить о том, что в рассматриваемой нами структуре исторического знания этот процесс переопределения предмета может расцениваться как перерастание социальной истории из дисциплины в направление.

Позиционирование источниковедения как научного направления на основе понимания его объекта как системы видов исторических источников позволяет предложить свой вариант решения актуальной для исторической науки проблемы глобальной истории. На мой взгляд, выстраивание глобальной истории возможно либо как нарратив (в рамках процесса ренартификации при отчетливом понимании идеологической нагруженности нарратива и его принципиальной неverifiedируемости), либо как сравнительно-историческое исследование на основе компаративного источниковедения, которое понимается как «метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения — вид исторических источников — репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной

активности человека, совокупность которых составляет историю общества» (Чубарьян, Репина 2016: 226).

Можем ли мы говорить о новом предметном поле в связи с разработкой О.М. Медушевской понятия *эмпирическая реальность исторического мира*? Эта проблема требует дальнейшего изучения. И прежде всего ответа на вопрос: возможно ли конструирование предметного поля в неоклассической модели науки или это феномен исключительно постнеклассической ее модели? И здесь стоит акцентировать феноменологическую составляющую концепции А.С. Лаппо-Данилевского. Историки привыкли к классическому определению исторического источника в «Методологии истории»: «Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» (Лаппо-Данилевский 2010б: 38).

Мы постоянно акцентируем внимание на объективированности / эмпирической данности исторического источника, обусловивших принадлежность рассматриваемой концепции к неоклассической модели науки, и упускаем из виду весьма важные разъяснения А.С. Лаппо-Данилевского, связывающие его эпистемологию с напряженными философскими поисками выхода из методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. Приступая к рассмотрению объекта исторического познания, А.С. Лаппо-Данилевский пишет: «При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас построит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности» (Лаппо-Данилевский 2010а: 329). Утверждая требование «реальности <...> объекта» в эмпирических науках, к которым А.С. Лаппо-Данилевский относит и историю, он разъясняет: «...такой объект представляется всякому историку-специалисту “данным” его сознанию: историк не только признает его своим представлением, но приписывает его содержанию реальное существование; в противном случае источник не мог бы служить объектом чувственного восприятия историка; последний, значит, не мог бы познавать действительность на основании источников» (Лаппо-Данилевский 2010б: 30).

Таким образом, в любом случае объект источниковедения, будь то исторический источник, система видов исторических источников или эмпирическая реальность исторического мира, — это конструкт исследователя, но конструкт, особым образом связанный с эмпирическим основанием. Вероятно, дальнейшее развитие концепции может идти в направлении прояснения характера и механизмов этой связи.

Литература

- Анкерсмит Ф.Р. (2003) *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бернгейм Э. (2011) *Введение в историческую науку*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Бродель Ф. (1977) *История и общественные науки. Историческая длительность*. Кон И.С. (ред.) *Философия и методология истории: сб. ст.* М.: Прогресс: 115–142.
- Введенский А.И. (1892) *О пределах и признаках одушевления: новый психологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики*. СПб.: тип. В.С. Балашева.
- Гуссерль Э. (1911) *Философия, как строгая наука. Логос: международный ежегодник по философии культуры: русское издание*. Кн. 1: 1–56.
- Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., М.Ф. Румянцева (1998) *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие*. М.: РГГУ.
- Дройзен И.Г. (2004) *Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории*. СПб.: Владимир Даль.
- Зелдин Т. (1993) Социальная история как история всеобъемлющая. *THESIS: альманах*. Зима: 154–162.
- Зидер Р. (1993) Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении социального. *THESIS: альманах*. Зима: 163–178.
- Источниковедение.ru (2019) [Электронный ресурс]: *страница Науч.-пед. школы источниковедения*. [М.: Б. и.], сор 2010–2019. [<http://ivid.ucoz.ru/>] (дата обращения 10.06.2019).
- Кодан С.В. (2019) Источниковедческие риски ненадлежащего подбора, анализа и презентации данных носителей государственно-правовой информации в юридическом исследовании. *Юридическая техника*, 13: 186–193.
- Кокка Ю. (1993) Социальная история между структурной и эмпирической историей. *THESIS: альманах*. Вып. 2: 174–189.
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. (1899) *Введение в изучение истории*. Пер. с фр. А. Серебряковой. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой.
- Лаппо-Данилевский А.С. (2010а) *Методология истории*: в 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Лаппо-Данилевский А.С. (2010б) *Методология истории*: в 2 т. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Лубский А.В. (2005) *Альтернативные модели исторического исследования*. М.: Социально-гуманитарные знания.
- Лубский А.В. (2009) *Методология региональных социально-гуманитарных исследований: учебное пособие для аспирантов, молодых ученых и магистрантов*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ.

Медушевская О.М. (2008а) *Теория и методология когнитивной истории*. М.: РГГУ.

Медушевская О.М. (2008б) Эмпирическая реальность исторического мира. *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф.* Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ: 24–34.

Муравьев В.А. (ред.) (2001) *Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник*. М.: РГГУ.

Риккерт Г. (1998) *Философия истории*. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. М.: Республика: 129–204.

Румянцева М.Ф. (2012) Русская версия неокантианства: к постановке проблемы. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки*. Т. 154. Кн. 1: 130–141.

Румянцева М.Ф. (2013) Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в Научно-педагогической школе источниковедения — сайт Источниковедение.ru. *Клио: журнал для ученых*, 12 (84): 28–31.

Румянцева М.Ф. (ред.) (2015) *Источниковедение: учеб. пособие*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Румянцева М.Ф. (2017) Принцип признания чужой одушевленности в гуманитарном знании XX — начала XXI в.: границы применимости. Ершова Г.Г. (отв. ред.) «*Стены и мосты*» V: *междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками*. М.: Академический проект: 78–90.

Румянцева М.Ф. (2018) Философские основания методологии истории русской версии неокантианства: А.И. Введенский и В. Дильтей. *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. Вып. 62: 16–32.

Румянцева М.Ф. (ред.) (2019) *Источниковедение: учеб. пособие*. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Чубарьян А.О. (ред.) (2014) *Теория и методология исторической науки: терминологический словарь*. М.: Аквилон.

Чубарьян А.О., Репина Л.П. (ред.) (2016) *Теория и методология исторической науки: терминологический словарь*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон.

DEVELOPMENT OF A.S. LAPPO-DANILEVSKY'S
METHODOLOGICAL CONCEPTION
IN XX — EARLY XXI CENTURY:
FROM HUMANITIES TO SOCIAL SCIENCES

Marina Rumyantseva (m_roumiantseva@hse.ru)

National Research University "Higher School of Economics";
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Citation: Rumyantseva M.F. (2019) Razvitiye metodologicheskoy kontseptsii A.S. Lappo-Danilevskogo v XX — nachale XXI vv. [Development of A.S. Lappo-Danilevsky's methodological conception in XX — early XXI century: from humanities to social sciences]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 154–179.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.10> (in Russian).

Abstract. The article continues the theme of reception and development of the epistemological concept of source studies of A.S. Lappo-Danilevsky in Scientific and pedagogical school of source studies, initiated by the report at the conference "Academician A.S. Lappo-Danilevsky in the History of Science and Culture, to the 150th Anniversary of his Birth" (St. Petersburg State University, October 4–5, 2013). The author proposes and substantiates the research hypothesis: the development of the concept of source studies, developed by A.S. Lappo-Danilevsky in the context of the methodology of history, followed the path of constitution and transformation of the disciplinary status of source studies (component of the methodology of history — discipline/subdiscipline of historical science — scientific direction — subject field of historical knowledge), which, in its turn, led to the increase/complication of interdisciplinary connections of source studies and its movement from the Humanities to Social Sciences. It is revealed the significance of the historical source as an integrating foundation of humanitarian and social knowledge. As the basic schemes of interpretation used the change of types of rationality/models of science and the change of the dictionaries of historical sciences (F.R. Ankersmit), and as the basis for the change in disciplinary status — a change in the understanding of the object of source studies. The author substantiates the belonging of the considered concept of source studies to the neoclassical model of historical science, which developed against the background of non-classical and post-non-classical models as a response to their challenges. The beginning of divergence of the non-classical and neo-classical models of historical science is seen in the opposition of Baden neo-Kantianism and its Russian version (A.I. Vvedensky, A.S. Lappo-Danilevsky) on the issue of the object of historical knowledge: Baden's refusal of its analysis and special attention to object/historical source at the Russian neo-Kantianism. The last was a factor in the constituting of source studies as an independent scientific discipline in the 1950 in connection with the development of its own object — system of types of historical sources. It is shown the ways of transformation of source studies in the scientific direction

and the subject field of historical science as understanding of the types of historical sources as the projection of culture and the conceptualization of the macroobject — empirical reality of the historical world (O.M. Medushevskaya).

Keywords: source study, discipline of history, scientific direction, historical source, interpretation, empirical reality of the historical world, social sciences, A.S. Lappo-Danilevsky.

References

Ankersmit F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafor* [History and Tropology: the Rise and Fall of Metaphor]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Bernheim E. (2011) *Vvedeniye v istoricheskuyu nauku* [Introduction to the Science of History]. 2-ye izd. Moscow: LIBROKOM (in Russian).

Braudel' F. (1977) *Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [History and Social Sciences. Historical Duration]. In: Kon I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii: sb. st.* [Philosophy and Methodology of History: coll. art]. Moscow: Progress: 115–142 (in Russian).

Chubaryan A.O. (ed.) (2014) *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science: Terminology Dictionary]. Moscow: Akvilon (in Russian).

Chubaryan A.O., Repina L.P. (ed.) (2016) *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science: Terminology Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Akvilon (in Russian).

Danilevskiy I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., M.F. Rummyantseva (1998) *Istchnikovedeniye: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History]. Moscow: RGGU (in Russian).

Droysen J.G. (2004) *Istorika: lektzii ob entsiklopedii i metodologii istorii* [Historika: Lectures on Encyclopedia and Methodology of History]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Husserl' E. (1994) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a Exact Science]. In: *Logos: mezhdunarodnyy yezhegodnik po filosofii kul'tury: russkoye izdaniye* [Logos: International Yearbook on Philosophy of Culture: Russian Edition]. Book 1: 1–56 (in Russian).

Istchnikovedeniye.ru (2019) [Elektronnyy resurs]: *stranitsa Nauch.-ped. shkoly istochnikovedeniya* [Scientific and Pedagogical School of Source Studies] [Moscow: S. n.], cop 2010–2019 [<http://ivid.ucoz.ru/>] (accessed:10.06.2019) (in Russian).

Kocka J. (1993) *Sotsial'naya istoriya mezhdru strukturnoy i empiricheskoy istoriyey* [Social History Between Structural and Empirical History]. In: *THESIS: almanakh* [THESIS: Almanac], 2: 174–189 (in Russian).

Kodan S.V. (2019) *Istchnikovedcheskiye riski nenadlezhashchego podbora, analiza i prezentatsii dannykh nositeley gosudarstvenno-pravovoy informatsii v yuridicheskom issledovanii* [Source Studies Risks of Inadequate Selection, Analysis and Presentation of Data of State Legal Information Carriers in Legal Research]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 13: 186–193 (in Russian).

Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. (1899) *Vvedeniye v izucheniye istorii* [Introduction to the Study of History]. St. Petersburg: Izd-vo O.N. Popovoy. (in Russian).

Lappo-Danilevskiy A.S. (2010a) *Metodologiya istorii: v 2 t.* [Methodology of History: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Lappo-Danilevskiy A.S. (2010b) *Metodologiya istorii: v 2 t.* [Methodology of History: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Lubskiy A.V. (2009) *Metodologiya regional'nykh sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Methodology of Regional Social and Humanitarian Studies]: uchebnoye posobiye dlya aspirantov, molodykh uchenykh i magistrantov. Rostov na Donu: Izd-vo SKNTS VSH YUFU (in Russian).

Lubskiy A.V. (2005) *Al'ternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya (in Russian).

Medushevskaya O.M. (2008a) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and Methodology of Cognitive History]. Moscow: RGGU (in Russian).

Medushevskaya O.M. (2008b) *Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira* [Empirical Reality of the Historical World]. In: *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny — istochnikovedeniye — metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya* [Auxiliary Historical Disciplines — Source Studies — Methodology of history in the System of Humanitarian Knowledge]: materialy XX mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 31 yanv. — 2 fevr. 2008 g.: v 2 ch. Moscow: RGGU: 24–34 (in Russian).

Muravyev V.A. (ed.) (2001) *Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya Istoriko-arkhivnogo insituta* [Scientific and Pedagogical School of Source Studies of Historical and Archival Institute]: sb. Moscow: RGGU (in Russian).

Rickert H. (1998) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. In: Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Nature and Cultural Sciences]. Moscow: Respublika: 129–204 (in Russian).

Rumyantseva M.F. (2012) *Russkaya versiya neokantianstva: k postanovke problem* [Russian Version of Neo-Kantianism: to the Problem Statement]. In: *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series of Humanitarian Sciences]. T. 154. Kn. 1: 130–141 (in Russian).

Rumyantseva M.F. (2013) *Retseptsiya metodologicheskoy kontseptsii A.S. Lappo-Danilevskogo v Nauchno-pedagogicheskoy shkole istochnikovedeniya — sayt Istochnikovedeniye.ru*. [Reception of the Methodological Concept of A.S. Lappo-Danilevskiy in the Scientific and Pedagogical School of Source Studies — Website Istochnikovedenie.ru]. *Klio: zhurnal dlya uchenykh* [Clio: magazine for scientists], 12(84): 28–31 (in Russian).

Rumyantseva M.F. (2017) *Printsip priznaniya chuzhoy odushevlenosti v gumanitarnom znanii XX — nachala XXI v.: granitsy primenimosti* [The Principle of Recognition of Another Soul in Humanitarian Knowledge of the XX — early XXI Century: Limits of Applicability]. In: Yershova G.G. (ed.) *«Steny i mosty»-V: mezhdistsiplinarnoye vzaimodeystviye istoricheskogo znaniya s yestestvennymi i sotsial'no-gumanitarnymi naukami* [“Walls and Bridges”-V: Interdisciplinary Interaction of Historical Knowledge with Natural and Social Sciences and Humanities]. Moscow: Akademicheskii proyekt: 78–90 (in Russian).

Rumyantseva M.F. (2018) *Filosofskiy osnovaniya metodologii istorii russkoy versii neokantianstva: A.I. Vvedenskiy i V. Dil'tey* [Philosophical Foundations of the

Methodology of History Within Russian Version of Neo-Kantianism: A.I. Vvedenskiy and W. Dilthey]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History], 62: 16–32 (in Russian).

Rumyantseva M.F. (ed.) (2015) *Istochnikovedeniye: ucheb. posobiye*. [Source Studies: Textbook]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Rumyantseva M.F. (ed.) (2019) *Istochnikovedeniye: ucheb. posobiye*. [Source Studies: textbook]. 2-ye izd., ispravl. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Sieder R. (1993) *Chto takoye sotsial'naya istoriya? Razryvy i preymstvennost' v osvoyenii sotsial'nogo* [What is Social History? Breaks and Continuity in the Development of Social]. *THESIS: al'manakh* [THESIS: Almanac], Zima: 163–178 (in Russian).

Vvedenskiy A.I. (1892) *O predelakh i priznakakh odushevleniya: novyy psikhofiziologicheskiy zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki* [On the Limits and Signs of Revival: a New Psychophysiological Law in Connection with the Question of the Possibility of Metaphysics]. St. Petersburg: tip. V.S. Balasheva (in Russian).

Zeldin T. (1993) *Sotsial'naya istoriya kak istoriya vseob'yemlyushchaya* [Social History as a Comprehensive History]. *THESIS: al'manakh* [THESIS: Almanac], Zima: 154–162 (in Russian).